

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

А.А. Блок и К.М. Садовская

Свою первую любовь юному Александру Блоку довелось пережить летом 1897 года. Это было всепоглощающее, сильнейшее чувство, страсть, захватившая все существо молодого поэта, подарившая ему ярчайшее поэтическое вдохновение. В результате этого чувства родились чудесные стихи о любви. Вот одно из стихотворений, датированное 14 декабря 1898:

К. М. С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь все так тихо, там безумно,
Там все звенит, – а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости...

Это мощное чувство настигло Блока летом, на германском курорте Бад-Наугейм, близ Франкфурта, где он отдыхал с матерью

и теткой. Блоку – семнадцатый, его возлюбленной – тридцать семь. В ту пору своей жизни она была женой и матерью семейства, богатая, изнеженная. Красавица. Ее «очи синие бездонные» сразили мальчика наповал. Ксения Михайловна Садовская, до замужества Островская, родилась в 1859 году в семье мелкого акцизного чиновника в Херсонской губернии. Семья едва сводила концы с концами: долги, унижающая нужда. Тем не менее Ксения получила вполне приличное образование – в частной женской Мариинской гимназии в Одессе, потом – в Москве и Петербурге. Готовилась к сценической карьере – у нее обнаружился хороший голос, но внезапная болезнь горла помешала ей окончить консерваторию. И девушка из обедневшей семьи вынуждена была пойти на службу в Статистический комитет, чтобы самой зарабатывать на жизнь. На одном из спектаклей в Мариинском театре встретила своего будущего мужа, весьма обеспеченного человека. Он занимал должность товарища (заместителя) министра и имел классный чин статского советника. Она, не раздумывая, приняла его предложение: нищета надоела.

На первоклассный курорт в Южную Германию, знаменитый своими лечебными водами, неоднократно посещаемый российской царской семьей, действительная статская советница приехала с детьми, чтобы поправить здоровье после третьих, не очень простых родов. По другим источникам, в оздоровлении нуждался и ее малолетний сын. Тетушка Блока, писательница Мария Андреевна Бекетова вспоминала: «Она первая заговорила со скромным мальчиком, который не смел поднять на нее глаз, но сразу был охвачен любовью. Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика». Не рассмотрев толком даму, а только услышав ее чарующий голос, Александр по уши влюбился. Она хорошо знала себе цену, опытная светская дама, кокетка и говорунья, в облаке золотых пышных волос, в тени неизменных широкополых шляп с перьями и омуте огромных глаз, подведенных томными «сердечными тенями»!.. На самом деле, наверное, дело обстояло так и... не совсем так. Юноша был горяч, ухаживал неумело, возможно, докучал: каждое утро приносил розы, молча сопровождал даму, прячась в кустах, вздыхал и пытался поймать ее взгляд. Ксения Михайловна пыталась превратить эту доuku

в шутку – то приказывала ему быть смелее, то запрещала являться на глаза, то била зонтиком по руке, то возвращала цветы и высмеивала его. Но в какой-то момент увлеклась. Словом, шепот пылкого юноши во время одиноких катаний на лодке подействовал... Она оставила его на ночь.

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок...

И еще:

В такую ночь успел узнать я
При звуках ночи и весны
Прекрасной женщины объятья
В лучах безжизненной луны.

Садовская была на год старше матери своего возлюбленного... А маменька встревожилась не на шутку. Гранд-дама (без иронии) Александра Андреевна Бекетова – Блок – Кублицкая-Пиотух (в первом браке – жена профессора Варшавского университета А.Л. Блока, во втором гвардейского полковника, вскоре ставшего генералом, дочь ректора Санкт-Петербургского университета), как свидетельствуют источники, нанесла утренний визит любовнице сына, кричала, хваталась за сердце, угрожала «гносной совратительнице молодого дарования» серной кислотой и даже каторгой. Садовская улыбнулась и молча открыла перед истеричной женщиной дверь... Александра Андреевна писала домой (не без ехидства): «Сашура у нас тут ухаживал с великим успехом, пленил барыню, мать троих детей... Смешно смотреть на Сашуру в этой роли. Не знаю, будет ли толк из этого ухаживания для Сашуры в смысле его взрослости, и станет ли он после этого больше похож на молодого человека. Едва ли». А сыну она цинично заявила: «Куда деться, Сашурочка, возрастная физика, и, может, так оно и лучше, чем публичный дом, где безобразия и болезни?». Биографы между тем уверенно отмечают, что разовый

опыт посещения подобного учреждения у юноши уже был. Можно понять эмоции матери, которая, не ведая, что Александр еще год назад познал интимную близость с женщиной (за деньги), незадолго до встречи с Садовской сделала запись в дневнике: «Сашура росту очень большого, но дитя, и женщинами не интересуется». Вскоре отрока увезли в Шахматово – имение Бекетовых, а потом в Петербург. Он, конечно, побежал к Садовской прощаться. И подарил ей полуувядшую розу.

Как всегда в подобных случаях, очерки биографов Блока изобилуют противоречиями, а то и небрежностью, касающимися фактов, описаний внешности героев и дат (читатель увидит их в цитируемых материалах. – Л. А.). Авторы этих текстов дискутируют между собой, критикуют друг друга... Некоторые из них, как гневно и, пожалуй, преувеличенно сетует С. Макаренко, «...навечно и язвительно пригвоздили пыльные и неловкие мечтания юности к позорному столбу насмешки, а уцелевшие письма объявили беллетризованным образчиком искусственно выдуманных чувств». Другие просто опускают в своих «исследованиях» эту ярчайшую страницу (или главу?) достаточно короткой (всего-то 40 лет!) жизни великого поэта. Даже «вездесущий и всеведущий» Д.Л. Быков в своей более чем часовой лекции о Блоке и Менделеевой ни словом не упоминает К. М. С. Для меня основными источниками послужили серьезные литературоведческие работы, прежде всего – двухтомник В.Н. Орлова «Гамаюн. Жизнь Александра Блока» и книга А.М. Туркова «Александр Блок» в серии «ЖЗЛ». Предпочтительным мне также представляется обращение к сохранившемуся обширному поэтическому и эпистолярному наследию Блока, и пусть

субъективным, воспоминаниям близкого человека и непосредственного свидетеля событий – тетушки поэта. Именно с этих позиций импонирует мне опубликованный сравнительно недавно, в 2004 г., очерк упомянутой Светланы Макаренко (Семипалатинск). Мария Андреевна Бекетова, в частности, пишет: «1897 год памятен нашей семье и знаменателен для поэта. Ему было шестнадцать с половиною лет, когда он с матерью и со мною отправился в Бад-Наугейм. Сестре был предписан курс лечения ваннами от обострившейся болезни сердца. Путешествие по Германии заинтересовало Блока. Наугейм ему понравился. Он был весел, смешил нас с сестрой шалостями и остротами, но скоро его равновесие было нарушено многознаменательной встречей с красивой и обаятельной женщиной. Все стихи, означенные буквами «К. М. С.», посвящаются этой первой любви. Это была высокая, статная, темноволосая (?) дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Была она малороссиянка, и ее красота, щегольские туалеты и смелое, завлекательное

Блок в юности

А.А. Блок 1910-е годы

кокетство сильно действовали на юношеское воображение. В ту пору он был очень хорош собой уже не детской, а юношеской красотой. Об его наружности того времени дают приблизительное понятие его портреты в костюме Гамлета, снятые в Боблове, имении Менделеевых, год спустя. Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика, но он любил ее восторженной, идеальной любовью, испытывая все волнения первой страсти. Они виделись ежедневно. Встав рано, Блок бежал поку-

пать ей розы, брать для нее билет на ванну. Они гуляли, катались на лодке. Все это длилось не больше месяца. Она уехала в Петербург, где они встретились снова после большого перерыва».

А вот строки из дневника той же Марии Андреевны: «26 июня <1897>. Бад-Наугейм. Здесь было много тяжких часов и дней. На мне была новая громадная ответственность: Аля (мать Блока. – Л. А.) с плохим немецким языком, с моими силами и с ее болезнью. Потом началось дело с Сашурой. Сначала он просто скучал, ныл и капризничал, и мучил свою маму и меня. Но потом мы познакомились с Садовской, и началась новая игра и новые муки. Он ухаживал впервые, пропадал, бросал нас, был неумолим и эгоистичен, она помыкала им, кокетничала, вела себя дрянно, бездушно и недостойно. Мы боялись за его здоровье и за его сердечко. Тут подошло новое течение: знакомство с А.И. Сент-Илер... Мы жаловались ей на Садовскую, она нам сочувствовала, побранила как-то Садовскую; та обиделась, разозлилась. Стала допытываться у Сашуры, что про нее говорят. Сашура сдуру свалил все на m-me Сент-Илер. Вышли сплетни, гадости, дразги...». Дальше и проявляется то, что я назвал субъективной позицией огорченной тетуш-

ки, и не подтверждается последующим ходом событий: «Кончилось все, однако, тем, что Аля все узнала от скрывавшего Сашуры, и оказалось, что любви у него никакой нет, и она-то завлекала его, на все сама была готова; только его чистота и неопытность спасли его от связи с замужней, плохой, да еще и несвежей женщиной. Теперь Аля с ним проводит весь день; он, как дитя, требует развлечений и забав; Аля и забавляет его; дни идут. Та злится, не уезжает, но, Бог даст, все скоро кончится ничем, и мы останемся одни. Худшее, что будет, – это ссора с ней. Но не все ли равно? Главное же, чтобы он остался цел и не был против матери. Отношения его с Алей были одно время ужасны, пока та все у него выпытывала, закабаляла его и брала с него слово, что он будет молчать. Он, наконец, не выдержал этого, сказал, что попал в скверное положение, что сам готов бы отвязаться. Тут-то все и пошло в другую сторону...».

А в итоге она сдержанно констатирует: «Но вот начало Сашурино юншества. Первая победа, первые волненья. Тут была и доля поэзии. Она хороша. Он дарил ей цветы. Она ему пела...». Садовская уехала в Петербург. Сашу увезли в бекетовское имение Шахматово, а затем семья также возвратилась в свою петербургскую квартиру.

Вот уцелевшие строки из самого первого письма Блока Садовской, отправленного еще раньше из Шахматово, от 13 июля 1897 года: «Ухожу от всех и думаю о том, как бы побыстрее попасть в Петербург, ни на что не обращаю внимания и вспоминаю о тех блаженных минутах, которые я провел с Тобой, мое Божество». В других многостраничных письмах он сравнивал Садовскую с «розой юга, уста которой исполнены тайны, глаза – полны загадочного блеска, как у сфинкса, который мгновенным порывом страсти отнимет всю душу у человека, с которым он не может бороться, который жжет его своими ласками, потом обдаёт холодом, а разгадать его не может никто...». Он преувеличивал, разумеется, романтичный юноша, но что-то уже сумел разглядеть вещим всегда взрослым взором истинного поэта. Что-то было настоящее в ней, непритворное, трагическое. Из чего позже, как пишут биографы, «...возникнет драма ее собственного покинутого, остывшего, растерзанного сердца»:

Страшную жизнь забудем, подруга,
Грудь твою страстно колышет любовь.
О, успокойся в объятиях друга,
Страсть разжигает холодную кровь.
Наши уста в поцелуях сольются,
Буду дышать поцелуем твоим.
Боже, как скоро часы пронесутся...
Боже, какую я страстью томим!.

По большинству свидетельств, они увиделись лишь восемь месяцев спустя после возвращения Садовской в столицу. Что мешало их более раннему свиданию и что стояло за словами «страшная жизнь» для поэта, гадать бесполезно. Были ли это продолжающиеся истерики матери, или украдкой прочтенные чужими глазами письма и дневники, язвительные насмешки и уколы, мелочное тиранство и угрозы, обычная убивающая поэзию души рутинная жизнь – неизвестно. До 1900-го года включительно Блок не прерывал связи с К.М. Садовской. Подробности и фазы этого романа можно проследить по многим стихам, напечатанным в собрании стихотворений Блока и в томниках, не изданных и не вошедших в собрание. Они по большей части обозначены инициалами «К. М. С.». А вот строки адресованной ей записки от 10 марта 1898 года: «Если бы Ты, дорогая моя, знала, как я стремился все время увидеть Тебя, Ты бы не стала упрекать меня... Меня удерживало все время все-таки чувство благоразумия, которое, Ты знаешь, с некоторых пор слишком развито во мне, и простирается даже на те случаи, когда оно совсем нехотит». В этих и других строках Блок обращается к ней, как ко всем своим последующим возлюбленным, как к Прекрасной Даме – на «Ты» и с большой буквы. (Все петербургские «незнакомки» Блока, мимолетные девушки для плотских утех долго будут «дышать духами и туманами» и внешне напоминать ту первую – синевого глаз, страусовыми перьями, флером вуали, загадкой... – Л. А.)

Далее – строки из письма Блока К.М. Садовской в Петербурге, 1898 г.: «Чем больше я вижу Тебя, Оксана (он часто называл ее именно так – Оксаной, «хохлушкой»: «Твои, хохлушка, поцелуи, Твои гортанные слова». – Л. А.), тем больше во мне пробуждается

то чувство, которое объяснить одним словом нельзя: в нем есть и радость, и грусть, а больше всего горячей, искренней любви, и любовь эта не имеет границ и, мне кажется, никогда не кончится. Чувство это бурно и не дает мне совсем покоя, я имею потребность видеть Тебя как можно чаще, любоваться Тобой и хоть на минуту утишить ту страшную бурю, которая все время бушует у меня в душе; и мне хочется, чтобы Ты, безмятежный ангел, обвеяла меня своими крылами и разрушила сомненья моей больной души, которая стремится к Тебе только и не находит выхода. Ты скажешь, откуда взялись эти порывы у такого холодного, безнадёжного эгоиста, который заботится только о себе?! Неужели же я не знаю, что я действительно эгоист, и сознание этого часто мучает меня... Я не могу ждать дольше пятницы нового свидания: если только можешь, то приходи в четверг, я буду ждать Тебя во 2-й линии против дома; мне нужно только видеть Тебя и знать, что Ты со мной; а в пятницу прийти я не могу, меня заставляют исповедоваться именно вечером. Странное совпадение! Приходи в четверг, ради бога, моя душа только к Тебе стремится, только Тебя и жаждет. Может быть, Твое письмо поможет мне избавиться от эгоизма, и этим Ты спасешь меня от большого горя в жизни; а если Ты думаешь, что экзамены и пр. будут страдать от этого, то знай, что мне, прежде всего, нужна жизнь, а жизнь для всякого человека самое главное, потому я и стремлюсь к Тебе и беру от Тебя все источники жизни, света и тепла. Не знаю, может быть, это свойственно моей молодости, но на меня благотворно и живительно действует эта роскошно распускающаяся весна и наполняет все мое существо, особенно когда Ты со мной, а мне кажется часто, что Ты близко от меня, и я думаю,

Не здесь ли Ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...

А.А. Бекетова, мать Блока, в юности

У меня в сердце постоянно звучат эти чудные строки. А мысль о Тебе действует на меня как музыка: то душа полна грусти, то внезапно замрет от бурного веселья, то жадно стремится к свету. Не правда ли, что это любовь? Будешь ли Ты еще сомневаться? Я жду теперь Твоих писем, как неземного счастья... Жду Тебя, приходи».

Было все. И даже – еще один визит взвинченной от раскрывшейся тайны затянувшегося безумия татан к госпоже Садовской. В этот раз «королева-мать» оставила высокомерный грозящий тон и уже просто умоляла «обольстительницу-сирену» быть благоразумной и отстранить

от себя окончательно потерявшего голову юношу. Как пытается понять А. Турков: «Вся ее любовь сосредоточивается на сыне. «Образ матери склоненной» – благодарное воспоминание, вынесенное Блоком из детских лет. В раннем детстве он был с нею особенно ласков, позже она стала не только его наставником в чтении, но и поверенным его тайн, первым ценителем его стихов, внимательным и чутким советчиком. Один из ближайших друзей Блока, Е.П. Иванов, писал впоследствии, что в Александре Андреевне «была ночь с мраком смертным, черным, как тень, поглощающая свет дня... Эта мрачная ночь была один из двойников в душе матери».

Эти ее настроения никак не могут быть целиком объяснены ни ее болезненной нервностью и страстью противоречить окружающим, ни несчастливо сложившейся личной жизнью. И сама Александра Андреевна впоследствии, пережив сына, склонна

была принять на себя самые страшные вины. «Я безмерно и непоправимо виновата перед Сашей...» – говорится в одном ее письме. Но едва Ксения Михайловна робко заговорила с Александром о благоразумии, супружеском долге и прочих скучных вещах, как сошедший с ума от страсти наследник невротичной маменьки впал в экстаз моралиста. Вот строки его письма к возлюбленной: «Я не понимаю, чего Ты можешь бояться, когда мы с Тобой вдвоем среди огромного города, где никто и подозревать не может, кто проезжает мимо в закрытой карете... Зачем понапрасну в сомнениях изводить всю жизнь, когда даны Тебе красота и сердце?

И с сыном – в старости

Если Тебя беспокоит мысль о детях, забудь их, хоть на время, и Ты имеешь на это полное право, раз посвятила им всю свою жизнь...». Ксения Михайловна пыталась следовать эгоистичным советам стремительно взрослеющего гимназиста-любовника, но вскоре слепая ее преданность и бесконечные ревнивые сцены, упреки и мольбы о прощении (на почве подавленных душевных угрызений совести, быть может!) стали всерьез тяготить вспыльчивого нервного юношу! Было ли обречено чувство? Ему изрядно хватало опеки, слез и укоров дома, и в любовных отношениях все эта излишняя экзальтированная нервозность и «романтическая сладость примирений и слез» стали его тяготить. Александр, безусловно, отдаляется от Садовской. Тем более что по прошествии года на горизонте появилась Любочка Менделеева – дочь великого ученого-химика Д.И. Менделеева, женщина, с которой он, то постоянно влюбляясь и превознося ее до небес, то постоянно

изменяя ей и мучая ее, то терпеливо снося ее измены, останется до самой смерти.

Душа его, как уверяют современники, леденела все больше. А свидания с К. М. С. все чаще прерывались ссорами. Переписка, длившаяся с перерывами до 1901 года, постепенно сводилась к выяснению отношений и вопросу о возвращении фотографий и писем с обеих сторон... Близился грустный и совершенно банальный финал курортного романа. Из других стихотворений этого периода видно, как образ Любви Дмитриевны все сильнее и сильнее овладевал всем существом поэта и мало-помалу вытеснял из его сердца образ любовницы. Маменька будет всячески приветствовать состоявшийся брак: все-таки они ровесники... А не тот дикий, ужасный мезальянс... Но, мягко говоря, совсем непросто складывались отношения в этом браке, который превратился «в ледяное подножие царственного трона поэзии». Любви Дмитриевне Менделеевой-Блок поклонялась вся «поэтически пишущая и читающая Россия» во главе с рыцарем-мужем, но и через год после свадьбы брачное ложе останется нетронутым... В своих более чем откровенных мемуарах, посвященных ее непростым отношениям с Андреем Белым, которые Анна Ахматова (ревниво и уничижительно отзывавшаяся и о Н.Н. Гончаровой-Пушкиной. – Л. А.) назвала «порнографическими», Любовь Дмитриевна (напомним – незаурядная актриса, историк балета, мемуаристка, автор книг «И был, и небылицы о Блоке и о себе» и «Классический танец: история и современность». – Л. А.) подробно рассказала про свою безрадостную интимную жизнь с Александром Александровичем. На протяжении года после свадьбы законная супруга оставалась девственницей. Когда же муж, имевший достаточный сексуальный опыт, перенес его на брачные отношения, это превратилось, по свидетельству жены, в «редкие, краткие, по-мужски эгоистичные встречи», продолжавшиеся менее двух лет.

Современный биограф Блока литературовед Владимир Новиков пишет: «Между супругами нет того, что составляет земную сторону брака. Блок убеждает Любовь Дмитриевну в том, что им не нужно «астартической» любви. Он делает это вполне искренне, но в то же время не по свободному выбору, а вынуж-

денно. Налицо некая психофизиологическая аномалия, которая препятствует обыкновенной телесной близости. По сути дела, предпринята попытка брака, основанного исключительно на душевном и духовном единении супругов». Воздержусь от попыток «диагностики» психотипа героя очерка, но невозможно игнорировать указания биографов на некоторые генетические семейные особенности – дед и отец поэта страдали душевными заболеваниями. «Прекрасными дамами» Блока становились актрисы Наталья Волохова и Любовь Дельмас, а также Евгения Книпович (литературовед, критик, поэт и переводчик, автор содержательных воспоминаний о Блоке), и многочисленные поклонницы поэта, и, наконец, «незнакомки» – дамы полусвета, проще говоря, куртизанки и проститутки, «...обитательницы петербургских публичных домов и трактиров столичных окраин», как свидетельствует иронизирующий биограф...

К.М. Садовская

Мы приводим здесь известную фотографию Ксении Михайловны Садовской, практически единственную публиковавшуюся. Но в журнале «Огонек» за 1982 год была опубликована небольшая заметка Л. Ильюниной, посвященная первой любви А. Блока, и очень редкий снимок-находка – фотография 1903 года, то есть сделанная всего два года спустя после окончательного расставания с Блоком в 1901 году. Качество репродукции, которой мы располагаем, не позволяет увидеть то, что удалось рассмотреть обладателям подлинника. Цитирую: «Синеокая, бог тебя создал такой. Гений первой любви надо мной». Усталое лицо – в глазах настороженность, тревога. Хорошее лицо, мужественное

К.М. Садовская – крайняя справа
во втором ряду

и неординарное. Сохранившая молодую фигуру, привлекательная и почти юная женщина в хорошей компании. Интересно было бы знать, и кто окружающие ее люди. Племянница Ксении Михайловны, И.М. Садовская, сохранившая эту фотографию, уточнила: «В Бад-Наугейм Ксения Михайловна приехала тогда не на летний курортный отдых, а со своим сыном, болезнь

которого была крестом всей ее жизни. В 1897 году ей было 39 (?) лет. О «наугеймовской истории» она уже в преклонном возрасте часто рассказывала родным. О том, что Блок стал известным поэтом, знала, стихи его читала. Хранила его письма (те 12, которые сейчас в Пушкинском доме), но в голодный 1919 год в Одессе готова была их продать». Известно, что в 1900 году, еще до заключения брачного союза с Любовью Дмитриевной, между Блоком и Ксенией Садовской произошло последнее решительное письменное объяснение. На этот раз унижалась она и, в конце концов, в сердцах назвав юношу «изломанным человеком», она яростно проклянет свою судьбу за то, что встретила его. Садовская делает в этом письме робкую попытку из долин Южной Франции позвать Блока за собой еще раз в Бад-Наугейм, где она вновь принимает курс лечения, но бывший возлюбленный решительно противится властным призракам памяти. Он парирует вяло и вежливо, называя некогда «дорогую Оксану» на «вы» и «Ксения Михайловной». И все, как будто, кончилось...

В Бад-Наугейм Блок приехал через девять лет после этого письменного диалога, в 1909 году, вместе с женой в самую тяжелую смутную пору своей жизни, после всего пережитого в этом странном браке – трагедий взаимных измен, прощений, разрывов и возвращений, после маленькой могилы на Волковом кладбище – сына Любви Дмитриевны от очередного «возлюбленного на час»... И тут, в почти не изменившихся за прошедшие годы местах, вос-

поминания вновь нахлынули на него с такою силой, что ему оставалось только облечь их в поэтическую форму, чтобы они «...не разорвали болью почти изношенное, растравленное сердце»:

Все та же озерная гладь,
Все так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?
Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?..

Так был написан цикл «Через двенадцать лет» – одна из драгоценностей любовной лирики Блока. Да и цифра «12» – знаковая в его творческом наследии. «Старым и мирным» называет себя человек и творец, которому нет еще тридцати, и которому всего-то отпущено было около сорока! Он снова, как наяву, услышал гортанные звуки голоса своей давней подруги, вспомнил вкус ее губ, торопливую нежность поцелуя... Из строк или со слов матери (как было чаще всего) до него неожиданно доходит ложный слух о смерти Ксении Михайловны. Интрига почти удалась. Как еще могла бороться неукротимая чисто женская материнская ревность с вечностью любви? Получив ложное известие, он кривит губы в ледяной усмешке: «Однако кто же умер? Умерла старуха. Что же осталось? Ничего. Земля ей пухом». Но уже наутро после неожиданной вести рождаются строки, которые стали финалом, подлинной жемчужиной цикла:

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.
И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

Вместе с тем есть безусловные свидетельства того, что и почти перед смертью, в 1918 году, Блок снова и снова «посвящал давно угасшему костру чувств и призрачно неясному облику первой возлюбленной строки в дневнике и стихи... ставшие бессмертными». Время от времени в течение всей жизни Блок возвращался к прежним стихам, к тому, что литературоведы называют «ранним наследием», переписывал их, правил. А уже будучи тяжело больным, перед смертью, он признался матери: может быть, только те первые рифмованные строки и есть то, что следует предъявить потомкам...

Поистине, право говорить о первой любви, категорически и справедливо утверждает С. Макаренко, имеет только сам поэт. Он и сказал. Навсегда. Поседевшей ревнивой властной матери оставалось только подавленно молчать. Было ли в этом молчании смирение, неизвестно. Вряд ли... Разве что перед мощью таланта... Больше о госпоже Садовской упоминаний ни в семейных разговорах, ни в переписке никогда не возникало.

Но жива была тогда Садовская, и суждено ей было пережить своего молодого любовника. Правда – как пережить... После революции она похоронит мужа, недавно удостоенного высокого чина тайного советника, позже будет страдать от нищеты в голодном Петрограде. Отправится к сыну в Одессу, а по пути будет подбирать колоски и жевать их, чтобы не умереть от голода. Дни свои Ксения Михайловна Садовская закончит в Одессе шестидесяти пяти лет, в клинике для душевнобольных, пережив поэта на четыре года. Комментаторы сообщают: лечащему врачу-психиатру, большому любителю и знатоку поэзии, она раскроет тайну первой любви Блока. Он не сразу ей поверит, но, вернувшись к инициалам «К. М. С.», поймет, что это правда. И окончательно убедится в этом, когда после смерти пациентки в подоле ее юбки окажутся зашитыми двенадцать (!) писем Блока, перевязанных розовой лентой, и засохшая роза, по лепесткам которой совершенно невозможно было узнать ее прежний цвет...

«Жизнь давно сожжена и рассказана, Только первая снится любовь, Как бесценный ларец перевязана Накрест лентою алой, как кровь».

Дом на Елисаветинской, 19, сегодня

Не знаю, был ли этим врачом мой учитель – заведующий кафедрой психиатрии Одесского медицинского института профессор Л.А. Мирельзон, но именно от него году в 1950-м или 51-м я впервые узнал эту историю и то, что он консультировал и лечил ее на дому на ул. Щепкина (Елисаветинской), 19.

О характере ее заболевания и его печальном исходе еще подробнее поведала нам, студентам, и ассистент этой кафедры Л.Я. Сосюра-Великанова, а ее кузина Татьяна Тэсс (Т.Н. Сосюра), родная сестра выдающегося украинского поэта Владимира Сосюры, известная советская писательница, многолетняя сотрудница газеты «Известия», в 1928 году побывала в Одесской психбольнице и оставила в книге посетителей следующую оптимистическую запись: *«Закрытый мир бездумной, душевной мысли. / Погасших глаз неуловимый мрак. / И в коридорах тягостно повисли / Пустые тени, и неверен шаг, / Но в этот мрак размеренно и строго / Несут врачи свой разум и свой труд, / И видим мы, что трудную дорогой / К здоровым дням безумные идут»*. Не всегда, к сожалению, удается... Я видел эти строки в музее больницы, где хранился

Стенд, посвященный К. М. С.,
в музее облсхбольницы (старое фото)

и «скорбный лист» – история болезни К.М. Садовской. При недавней попытке – в связи с подготовкой этого очерка – посмотреть эти экспонаты вновь, меня заверили, что они не утрачены, но доступ к ним сейчас невозможен.

Источник сообщает: «В 1925 году на одесском кладбище появился грубый каменный крест. На участке № 56, в 20-й линии, 19-й могиле, близко

к Воронцовским воротам похоронена была Ксения Садовская – «К. М. С.», воспетая Александром Блоком, его первая и никогда не забываемая любовь...» На каком кладбище? На Первом, на Втором? Какие такие Воронцовские ворота? Кого спросить? Конечно, О.И. Губаря! Олег Иосифович уверенно свидетельствует – на Втором. Это «тыловые» ворота, обращенные к Воронцовке – этому своеобразному «острову» между Ближними Мельницами, железной дорогой и небольшой промзоной, соединяющимся с городом в сердце Молдаванки – на Алексеевской площади. Много лет считалась таинственно-загадочной причина ранней смерти А.А. Блока, пока компетентные эксперты из военно-медицинской академии не пришли к выводу: лечащий врач Пекелис был прав – «Блок погиб от подострого септического эндокардита (воспаления внутренней оболочки сердца), неизлечимого до применения антибиотиков». Такая вот невеселая история...

